

ТАНЕР АКЧАМ

Статья «Долгая история отрицания геноцида армян»

Тщательно забытые страницы истории Турции

Турки и их книги по истории до сих пор не могут принять тот факт, что в 1915-1917 было организованное убийство армян. Возможно потому, что так много убийц и грабителей были также героями-основателями современной Турецкой республики.

Было бы наивно полагать, что Франция была мотивирована исключительно состраданием к армянам и их трагическому прошлому, когда проголосовала признать резню армян в 1915, как геноцид. Сами турки часто говорят, что Франция должна сначала признать собственную вину в геноциде или преступлениях против человечности в Алжире, чтобы ставить в вину геноцид другим. Однако мотивы Франции не должны сами по себе быть причиной сокрытия того, что правящая Османская партия сделала против армян в 1915-1917.

Большая часть турецкой критики действий Франции была направлена на запутывание фактов, а не на собственно отрицание обвинений. Турецкая газета опубликовала следующие слова негодования: "Да будет донесено до мирового мнения, в прошлом мы наказали всех тех позорных отбросов, которые будучи неудовлетворёнными благами нашей земли, атаковали наши владения, жизни и честь турок. Мы знаем, что наши предки были правы и, если бы сегодня те же угрозы появились вновь, мы без колебания сделали бы необходимое"* . Данный выплеск негодования не является исключением: турецкая публицистическая полемика представляемая, как научный подход, также изобилует подобными выражения.

* *См Akit, Стамбул, 12 февраля 2001.*

Почему слово геноцид провоцирует такую ярость в Турции? Ведь турки могли просто признать массовые убийства, но при этом сказать, что они не были ответственны за них. Основатель современной Турции, Мустафа Кемаль Ататюрк, говорил на эту тему дюжину раз, он осуждал резню, которую называл позорной, и требовал наказания ответственных. Лидеры тогдашней партии Ittihad ve Terakki (Союз и Прогресс)*, организовавшие погромы, были осуждены в 1926, хотя и обвинены в разных преступлениях. Некоторые из них были казнены. То есть Турция просто могла бы выразить сожаление по поводу преступлений против армян и объяснить всё тем, что преступления были совершены в Османской империи, а не в турецкой республике.

* *Часть младотурецкого движения, основанного в 1908.*

В поисках идентичности

Одно из основных препятствий в публичном обсуждении является коллективная амнезия: потеря коммунальной памяти Турции происходит от притупления исторического самосознания турок по прошествии десятилетий. Ататюрк повредил

линии, соединяющие людей с их прошлым. Каждое национальное государство с момента создания смотрит в исторические корни, на которых основывается легитимность. Если она не находит их, то она их выдумывает. Как отметил французский историк Эрнест Ренан "Забвение и даже исторические ошибки являются важными факторами создания нации"*.

* Эрнест Ренан (*Ernest Renan*) (1823-1892), "*Qu'est-ce qu'une nation?*", конференция в Сорбонне, 11 марта 1882.

Турки встали перед специфичной сложностью: в течение столетий османского управления, ислам постепенно ступшевал всё что было связано с турецкой идентичностью в коллективной памяти. Турки должны были отойти назад в пре-османский период, чтобы найти недостающие идентичность и корни- через 600 лет исторической тишины.

Через серию реформ, таких как западный стиль одежды, они попытались стереть следы недавнего прошлого, которое стало нежелательным, и с принятием латиницы в 1928, более или менее недоступным для молодого поколения, это стало возможным. Реальное прошлое было подменено официальной историей, написанной несколькими избранными специалистами,. Официальная история стала единственным признанным источником. События до 1928 и летописи прошлых поколений стали закрытой книгой. Упоминание прошлого стало зыбким, и пределы памяти, а также исторического сознания снизились к не более, чем личному опыту людей и их ближайшего окружения. В этих обстоятельствах, как можно ожидать от турка инициативы и открытого обсуждения турецкой истории?

К отсутствию исторического сознания добавилась другая большая причина, объясняющая турецкое поведение: их (турок) история состоит из серии травматических шоков. Между 1787 и 1918 османская империя потеряла 85% земель и 75% населения империи. В своем последнем столетии, империя прочно деградировала: серия тяжёлых военных поражений, пресекаемых время от времени победами, привели к нежелательным перемириям с Великими Державами. Этот период непрекращающихся войн, который убил десятки тысяч, был для турок эрой унижения и бесчестия.

Османская элита, раздавленная под бременем славного прошлого и, страдая отсутствием рефлексии и самооценки, видела в первой мировой войне историческую возможность вернуть прошлое величие и восстановить национальную гордость. Эта иллюзия быстро исчезла. В атмосфере последовавшей обиды, геноцид оказался возмездием против тех, кто были ответственны за ситуацию. Армяне заменили врага в лице Великих Держав и христианских народов империи. Османские лидеры использовали армян, чтобы расквитаться за то, что они не могли расквитаться где-либо ещё. Именно поэтому они настаивали на представлении новой республики как ренессанса- или даже как абсолютное начало. Их лидеры не просто смыли этот период травмы, переписав историю и переделав новую национальную идентичность. Они также умудрились удалить все пятна этой памяти и подавить всякую инициативу, которая могла бы покуситься на эту организованную амнезию. Это объясняет чувствительность к любым упоминаниям армянского вопроса. Турки ещё не смогли построить идентичность стёртую старой травмой.

Республика, замешанная в преступлении

Связи между образованием республики и армянской резней также были сделанны предметом табу. Лидеры, связанные с республикой, неоднократно выступали по данному вопросу. Известный член партии *Ittihad ve Terakki*, Халил Ментесе (*Halil Mentese*), сказал: "Если бы мы не очистили восточную Анатолию от армянского ополчения, которое сотрудничало с русскими, образование нашей республики было бы невозможным"* . На первом заседании Национальной Ассамблеи, темами выступлений были следующие слова: "Мы взяли на себя риск быть уличёнными в убийстве, чтобы спасти отечество". Другой член ассамблеи сказал: "Как вы знаете, вопрос депортаций спровоцировал реакцию всего мира и получилось так, что мы выглядим убийцами. Мы знали, до того как начали эти действия, что мы будем предметом злости и ненависти всего христианского мира. Почему мы позволили, чтобы наше имя было смешано с таким оскорблением, как репутация убийц? Почему мы взяли на себя такую большую и рискованную задачу? Потому, что мы должны были сделать то, что было необходимо чтобы сохранить трон и будущее нашей страны, которое в наших глазах было более ценно и свято, чем наши собственные жизни".

* *Заявление опубликованное турецким историком Юсуфом Байур (Yusuf Hikmet Bayur), Turk Inkilabi Tarihi (История турецкой революции), том II, глава IV, Турецкий Институт Истории, Анкара, 1988.*

Со временем эти слова в некотором роде храброго подтверждения того, что республика была образована на геноциде, были подавлены официальной историей: анти-империализм и уважение к силам *Kuvay-i Milliye* (войска первого сопротивления во время войны за независимость) стали нераздельными компонентами национальной идентичности. То есть дух *Kuvay-i Milliye* стал символом анти-империалистской идентичности для всех молодых поколений революционеров в Турции 1960-х. Страх увидеть крушение этих установок- важная причина для Турции отрицать дебаты по армянскому вопросу. Они опасны в смысле разрушения моделей, которые объясняют Турцию и мир. Дебаты по вопросу о геноциде кончат с представлением того, что государство скорее было продуктом не анти-империалистической войны, а скорее всего войны против греческих и армянских меньшинств. Тогда станет также ясно, что значительное число солдат *Kuvay-i Milliye*, представляемые сегодня как герои, либо были непосредственно частью геноцида, либо нажились на грабеже армян.

Перед самым концом первой мировой войны, планы по отступлению и организации национального сопротивления в Анатолии были уже разработаны на случай поражения. В 1918 эти планы были реализованы. Организации позади национального сопротивления такие как *Mudafaa-i Hukuk* (Общество Защиты Прав) или *Reddi Ilhak* (Отрицание Разделения) были основаны согласно указам Талаата, министра внутренних дел 1913-1917, и Энвера, министра обороны того же периода, и согласно приказам Комиссариата*, который они возглавляли. Эти структуры в частности были организованы в регионах, где была возможная греческая или армянская угроза.

* *В задачи Комиссариата входила организация сопротивления и оказание помощи тем, кто разыскивался союзниками за преступления против армян.*

После соглашения о капитуляции подписанном с британцами 30 октября 1918 в Мудросе, в Греции, первые пять комитетов сопротивления были организованы среди меньшинств: 3 против армян и 2 против греков. Их основатели были членами партии

İttihad ve Terakki, часть из которых разыскивалась британцами за соучастие в геноциде. Комиссариат, среди других задач, должен был скрывать их и находить для них убежище в Анатолии. Комиссариат таким образом стал символом сочетающим геноцид армян и сопротивление в Анатолии.

Страх мести

Между новообразованной республикой и геноцидом была и вторая связь. Она проявилась в виде нового класса, обогатившегося на геноциде армян. Этот класс превратился в социальную базу национального движения. Ведущие кланы, или "видные деятели", которые разбогатели на грабеже, опасались, что армяне вернуться и попытаются вернуть захваченное и отомстить. Именно это произошло, кстати, в районе Чукурова (Çukurova), хотя выжившие армяне вернулись с оккупационными войсками и вернули то, что принадлежало им. Поэтому естественным образом "видные деятели" влились в освободительное движение и даже стали организаторами этого движения в некоторых местах. Некоторые из них были близки к самому Мустафе Кемалю, например, Топал Осман, который позже возглавил его личную гвардию. Меры, предпринятые правительством старого Константинополя (Стамбула) 8 января 1920 года по реституции армянской собственности, были отменены 14 сентября 1922. Новое правительство в Анкаре, которая стала столицей республики в октябре 1923 года осознало необходимость удовлетворять интересы тех, кто основывал Турецкую республику.

Существует также третья связь между геноцидом и республикой: некоторые организаторы и высшие чиновники первых бригад Kuvay-i Milliye в районах Мармары, Эгейского и Черного моря значились в списках военных преступников за участие в погромах и резне. При организации освободительного движения, Мустафе Кемалю активно помогали члены партии İttihad ve Terakki, которых также разыскивали за преступления против армян. Позднее они получили самые высокие должности.

Сукру Кайя (Sukru Kaaya), министр внутренних дел и генеральный секретарь Народной Республиканской партии (Cumhuriyet Halk Partisi, CHP), основанной Мустафой Кемалем, отвечал за расселение иммигрантов (из Кавказа и Балкан) и кочевых племен во время "депортаций". Эта должность сделала его официальным лицом ответственным за организацию депортаций. Германские консулы записали слова Сукру Кайя: "Мы должны уничтожить армян".

Мустафа Абдулхалик Ренда (Mustafa Abdulhalik Renda) был перфектом Битлиса, затем Алеппо, во время резни. Германский консул Рёслер описывает, как он "без устали принялся за уничтожение армян". Вехип Паша (Vehip Pasha), командующий третьей армией, объяснил в своем отчете, написанном в 1919 году, как во время войны (после февраля 1915 года) Ренда сжигал тысячами живых людей в районе Муша. Он позже стал министром и президентом Национальной Ассамблеи.

Ариф Фейязи (Arif Fevzi), задержанный на Мальте (заключенный под номером 2743) за прямую организацию резни армян в Диарбекире, был министром с 1922 по 1923 г. Али Ченани бей (заключенный под номером 2805), лично наживился на геноциде, был министром торговли с 1924 по 1926 г. Трусту Арас, член санитарной комиссии, отвечавшей за захоронения убиенных армян, занимал высокие должности в Анкаре: он был министром иностранных дел с 1925 по 1928 г.

Таким образом, Мустафа Кемаль использовал людей из партии İttihad ve Terakki, которых союзники разыскивали за преступления против армян и греков, а также "видных деятелей", которые присоединились к национально-освободительному

движению из страха мести со стороны этих двух меньшинств. Для членов партии, особенно тех, кто непосредственно участвовал в геноциде будучи в составе Специальных организаций, участие в войне за независимость было актом самосохранения. Их выбор лежал между сдачей союзникам и тяжелыми вердиктами, вплоть до смертной казни, с одной стороны и подключением к организации сопротивления. Фалих Рифки Атай (Falih Rifki Atay), близкий друг Мустафы Кемалю, так резюмировал ситуацию: "Когда, в конце войны, британцы и их союзники решили спросить с руководителей партии Ittihad ve Terakki за резню армян, все, кто мог иметь проблемы, взяли за оружие и присоединились к сопротивлению".*

* *Фалих Рифки Атай (Falih Rifky Atay), Cankaya, Ataturkun Dogumundan Olumune Kadar (Чанкая, От рождения до смерти Ататюрка), Стамбул, 1980.*

Эти факты облегчают понимание вопроса почему геноцид стал табуированной темой. Признание фактов о том, что среди героев, которые спасли страну, были убийцы и воры, могло иметь разрушительный эффект. Отрицание более легкий путь для тех, кто опасается встряски для веры турков в республику и национальную идентичность. Но есть и третий путь: во имя демократических ценностей страна могла бы дистанцироваться от прошлого.